

8.

Мефистофель:

Как будто бредят все освобожденьем,
А вечный спор их, говоря точней, –
Порабощенья спор с порабощеньем.

Фауст. Часть 2

Если проделать мысленное усилие (насилие в некотором роде) и разделить целое мироздание и мир, созданный нами, с которым мы, собственно, и имеем дело, может оказаться, что в мироздании никакой ошибки нет, что только наше нежелание прислушаться к неторопливому шелесту его поступательного движения, к его настоящему времени – и этическим требованиям – побуждает нас увлечься бесконечным исправлением собственных ошибок без всякой надежды вырваться из этого замкнутого круга и, вконец замучившись, спрашивать: «Зачем всё это»?

Мы страдаем не потому, что так было задумано творение, а потому что все свои силы расходуем на сопротивление его законам. О высочайшем благе этих законов свидетельствует та непреложная истина, что вопреки нашему удручающему невежеству и упрямству, мы всё ещё существуем. Но пока нам это даровано, может быть стоит подождать с исправлениями и освоить идею, что мир создаётся заново каждое мгновение. И в каждом мгновении содержится возможность начать его создавать. Поверите ли, иногда эта идея представляется до потрясения очевидной: творение – это одновременно и нечто уже существующее, и постоянно воссоздающееся.

Идея непрерывного творения или со-творения и есть состояние сына Божия. В этом состоянии Он становится воистину воскресшим, а грех наш – искупленным.

В одно из таких счастливых мгновений и Иисус из Назарета ощутил себя Сыном Божьим, и это ощущение не покидало его до самой смерти.

Похожее мгновение переживает и Гамлет, вероятно не вполне сознавая, что именно с ним происходит в этот момент. Обстоятельства – другие и результат прозрения оборачивается иными поступками, но природа его та же.

Поэтому важнее всего в Евангелии сам Христос. Его особенность и уникальность состоит в предельном выражении связи с Творцом, которая обозначилась его чувством буквального сыновства. И это, с такой полнотой и естественностью выраженное чувство «Я – сын Отца» должно было произвести сотрясение в сердцах и душах.

Ну просто представьте себе, что некто встреченный вами говорит «Я – сын Божий» и вообразите, что у вас не остаётся внутреннего выбора: верить или не верить – так он выглядит, так себя ведёт и так говорит. Как власть имеющий. И подумайте, как пойдёт дальше ваша жизнь после такой встречи. Бога вы увидите никогда. А сына Божия... Да вот он.

Такое представление трудно получить просто от чтения Евангелий. Хотя сам факт подобных встреч там присутствует. Но вам больше скажут реакции людей на него, чем его собственные слова, переданные, в конце концов, сынами человеческими. Нового в том, что он говорит, совсем немного, только то, что начинается со слов «А я говорю вам...», и что отличается от закона книжников. Вот в эти моменты и надо постараться представить его

живым. Или когда он говорит: «Будьте как я». А вовсе не тогда, когда он предвещает гнев Божий и говорит о «плаче и скрежете зубов».

«Знаю, что придет Мессия... Когда Он придет, то возвестит нам всё», - говорит ему самарянка у колодца. «Это Я, Который говорю с тобою», - отвечает Он.

Вот и всё Слово. Между Ним и истиной нет просвета, как у всего лишь просветлённых.

Он никогда не упоминал о непорочном зачатии, и никто Его не посылал. В том и величие, что Он нашёл, открыл в себе силы и власть сказать: я – сын Божий. А уж потом можно представить себе, что и – Отец послал в некотором смысле, поскольку я оказался здесь, среди вас. Не мне сказал: сходи, а вам говорит: принимайте.

Смысл христианства – личность Христа и его учение, не новое, но чисто и сильно прозвучавшее от первого лица.

Болезнь христианства – умолчание о преступлении человечества.

Отдельные примеры трагических героев нам вряд ли помогут. Да и масштаб нашей ситуации несоизмерим с их частными судьбами. Но основная природа трагического конфликта остаётся неизменной, а все они знакомы с ней личным опытом. Надевая их башмаки, бесстрашно сопереживая их мукам, мы можем открыть для себя новые знания, которые помогут нам справиться с судьбой. Это ещё один повод оценить в полной мере значение и острую необходимость для нас произведений искусства – этих чудодейственных инструментов, созданных самой человеческой культурой для возрождения в человеке его творческих возможностей. Бетховен видел в них источник счастья, но надо ведь, чтобы сохранялись те, кому суждено его испытывать.

Пожалуй, пора признаться, что искусство нас немного пугает.

Угроза его – в невозможности знать заранее, как оно изменит человека, который примет вызванные им чувства без сопротивления.

Вдруг он перестанет быть самим собой? Как если бы он знал, что он такое. Может быть, он боится как раз стать им, инстинктивно предполагая, что это наложит какие-то новые обязательства и потребует от него дополнительных усилий. Но ведь он свободен, и всегда останется возможность от этих обязательств отказаться. А если окажется, что они выполнимы и плодотворны – так ведь это только обогатит его представление о самом себе.

Это немного напоминает знаменитый «прыжок веры», тоже не дающий никаких гарантий. Только здесь результат заведомо не может быть плохим.

Однако, будем справедливы. Искусство, конечно же, не единственный способ обрести истину. Нам в помощь даны и наука, и философия и, разумеется – религия, которая утверждает, что именно ей известны пути спасения человечества и его конечная цель.

Допустим, мы слишком увлеклись своей идеей, и правы не мы, а христианская церковь. Посмотрим, к чему пришла в результате долгих препирательств ею сформулированная доктрина, и какое разрешение предсказывает нам путь, ею предлагаемый.

Рано или поздно мир ожидает конец, и мы окажемся в Царствии Божиим, которым безраздельно владеет Творец, то есть, где нет места злу, страданиям и даже смерти.

При переходе состоится Божественный суд, называемый ещё «Страшным», который оценит наше прежнее существование, производя отбор овец от козлищ, и пропущены в Царствие окажутся не все, а лишь те, кто преданно ждал его наступления и схоронился от

греха. И, следственно, цель человека – продержаться до этих неведомых времён, ведя благочестивую жизнь и надеясь на справедливый Божий суд.

Как если бы одна эта задача уже не казалась непосильно трудной и не особенно увлекательной, перед концом мира зло чрезмерно усилится, а Церковь земная, предназначенная помогать человеку, крайне ослабеет. Но в конце концов Иисус Христос вновь вернётся на землю, все люди воскреснут, и совершится над миром Страшный суд. Дьявол и его сторонники будут осуждены на вечные мучения, для праведников же начнется вечная, блаженная жизнь в Царстве Божьем.

Итак, цель – райская жизнь, с чего всё и начиналось.

Но почему Церковь земная крайне ослабеет? Очевидно имеется ввиду весь сонм праведников, которые выдержат до конца. Отчего же они так обнищают силой?

Благовествование содержит светлую идею Божьего сыновства, но, как бы сомневаясь в человеческой стойкости, предупреждает о возможном наказании. Завершающее же Откровение Св. Иоанна не оставляет никаких сомнений в том, что Евангелие оказалось человеку не по силам, отражает отчаяние любви в отсутствие веры и видит спасение лишь в высшем вмешательстве.

Живущий сегодня человек, христианин, может в связи с этим сделать единственный вывод: выбора нет – раньше или позже нас ждут катастрофические времена, спасение может прийти только свыше, вся ценность и задача веры – возможность уцелеть, а наградой станет блаженство праведников на обновленной Земле, где Бог отрет всякую слезу с очей страдальцев, где не будет уже ни смерти, ни плача, ни вопля, ни болезни.

И ни слова о том, что *будет*, чем можно будет человеку заняться. Блаженствовать – не занятие. Я не настаиваю на подробностях, но из того, что нам уже известно о самих себе можно сделать вывод об обширных способностях и талантах человека, и похоже, что они окажутся больше не нужны.

Если быть чуть настоятельнее, можно от христианских толкователей добиться таких, например, пояснений: там ожидает вся полнота бытия, как сфера свободного творчества – хранить и возделывать Рай. Хранить... Разве ему что-то ещё угрожает? А возделывать... Что же тут возделывать, куда дальше творить? В любом случае, для того, чтобы это делать, надо бы, по меньшей мере, сначала изучить, что же это создано, то есть – обратиться к познанию, что, собственно, человек и попытался осуществить. Кончилось это плачевно.

Ещё предлагается, что человек там окажется вновь способен к полноте богообщения, к которой был изначально призван. Но трудно вообразить, в чём состояло бы богообщение Адама, если бы он внял предупреждению и остался в Раю. Не очень понятно, что Создатель может найти интересного в общении с таким упрощённым существом, которое начинает напоминать простую игрушку для развлечения?

Так что никаких занятий не предвидится, а жизни этой не будет конца.

И вот ради такой развязки был казнён Сын Божий. Через эту жертву, принесённую ради человечества, достигается цель, ради которой и был человек создан Богом.

Что за цель? Ради чего человек был создан? Согрешить и стать воссозданным, воскрешённым, освобождённым от смертности? Он уже был таким в Раю, и тогда надо убрать оттуда Древо познания, если не начинать сначала ту же историю со свободой и искушением. А если человек на этот раз послушается и не вкусит, то никакого человечества больше и не предвидится ни на земле, ни где бы то ни было. Да просто само присутствие этого странного древа тоже остаётся необъяснённым. Согласитесь, что такой проект, осуществлявшийся

многие тысячелетия, остаётся непонятным. И когда нам говорят, что тут – тайна, что пути Господни неисповедимы, это звучит довольно беспомощной отговоркой.

Но есть одна многообещающая тайна, одно, скрытое за массой основного текста, место в Апокалипсисе – этой последней, мрачной главе Священного Писания, которое могло бы пролить свет на множество загадок, а возможно – вообще отменить всё это пророчество.

Речь тут идёт о самом Страшном суде, который уже начал разворачиваться, хотя до последней битвы, Армагеддона, дело ещё не дошло:

«И когда семь громов проговорили голосами своими, я хотел было писать; но услышал голос с неба, говорящий мне: скрой, что говорили семь громов, и не пиши сего». (От. 10.4)

И Иоанн не записал, и до сих пор мы этого не знаем.

Есть, стало быть, нечто самим Откровением скрытое. А тогда у нас есть право сомневаться во всех предыдущих построениях, и, в надежде когда-нибудь услышать всё же, что возвестили «семь громов», начать сначала. Начать сейчас.

Но давайте немного успокоимся. Завтра нам будут снова дарованы эти считанные минуты.

Или уже не будут.